

8. Lovell S. Op. cit. P. 583; *Pat Thane*. Das 20. Jahrhundert: Grenzen und Perspektiven // Pat Thane (ed.). Das Alter: Eine Kulturgeschichte. Aus dem Englischen von D. Oetzmann und H. M. Langer. Darmstadt, 2005. P. 275–278.

9. For more detailed information about Zabolockij see the biography, written by his son Nikita: *Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky* / ed. by R. Milner-Gulland. Cardiff, 1994.

10. The numbers are given after the numeration of the texts in: *Заболоцкий Н. А. Полное собрание стихотворений и поэм*. СПб., 2002.

11. The poem “Novyj byt” is cited by Lovell as a “statement of generation hierarchy of the 1920s”, see: *Lovell S. Op. cit.* P. 565.

12. *Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky*. P. 291.

13. *Ibid.* P. 298f.

14. *Шилова К. А. О сюжете в лирике Н. Заболоцкого // Проблемы русского романтизма и реализма: сб. ст. Кемерово, 1973. С. 171–173.*

15. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 244.*

16. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 245.*

17. For more details see: *Эткинд Е. Прощание с друзьями // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 307.*

18. *Goldstein D. Nikolai Zabolotsky: Play for Mortal Stakes*. Cambridge, 1993.

19. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 252.*

20. *Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky*. S. 300.

21. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 243.*

22. Там же. С. 244.

23. *Денисова Е. А. Философско-эстетические искания в поэзии Н. Заболоцкого. К вопросу о художественной преемственности*. М., 1980. С. 10.

24. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 271.*

25. Там же. С. 261.

26. Там же. С. 283.

УДК 81.27

Н. Ф. Алефиренко

ЖИЗНЕСМЫСЛЫ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА*

Рассматриваются истоки ценностно-смыслового пространства русской провинции, раскрывается духовно-нравственная синергетика языка и народной культуры. Утверждается мысль о том, что словесная культура провинции – в каких бы территориальных пределах ее ни выделять и какой бы высокой или, наоборот, примитивной она ни казалась – есть творческое выражение в языке и текстах исторически сложившихся духовных, материальных и общественных потребностей народа. Такого рода потребности придают словесной культуре провинции ту самобытность, которая отличает её от культуры столичной, находящейся под постоянным инновационным воздействием инокультурного слова.

In the article are considered the sources of evaluative-semantic space of Russian province, is opened the spiritual-moral synergetics of language and national culture. It is established the thought that verbal culture of the province is the creative expression in language and text of the historically established spiritual, material and public needs of the nation. Such sort of needs will add to the verbal culture of the province a special kind of originality, which distinguishes it from the metropolitan culture, residing under the constant innovative influence of the foreign word.

Ключевые слова: ценностно-смысловое пространство этноса, словесная культура провинции, столичная культура, инновационное воздействие инокультурного слова.

Keywords: evaluative-semantic space of ethnos, verbal culture of the province, metropolitan culture, innovative influence of the foreign word.

Ценностно-смысловое пространство этноса, носителя и творца той или иной провинциальной культуры, выстраивается вокруг нескольких базовых и вместе с тем таких широко бытующих понятий, как «страна», «культура», «язык» [1]. Прежде всего, это три кита не только фольклора, но и всего словесного творчества любого народа. Для их именованья используются, целые синонимические ряды. Страну называют ещё *родной землёй, краем родным, родной стороной*. Так обращается к своей малой Родине известный в Черноземье поэт, курский соловей Петр Прудников (родился в деревне Плехово, Курской области; там же прошло его детство и отрочество):

* Работа выполнена на материале словесного творчества Черноземья в рамках реализации аналитической ведомственной целевой программы РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)».

В краю родном забытая частица,
Я весь натянута, как струна.
Сюда спешу святой воды напиться,
К тебе, моя родная сторона.

Вдали оставив след тропы бродяжной,
К тебе пришел очиститься душой,
И ту любовь, что испытал однажды,
Сравнить с любовью хочется большой.
(Петр Прудников)

Вместо слова *культура* нередко употребляются словосочетания *наши обычаи, по заветам предков, как у нас принято...* В значении «язык» нередко используются словосочетания *наше слово, родное слово, родная речь*. И как несложно заметить, рядом с названием того или иного понятия имеется постоянное определение *родной (родная, родное)*. Почему? Не потому ли, что без таких понятий, как «страна», «культура», «язык», немислимо самое возвышенное и дорогое – Р о д н а. В названии этого концепта содержится указание на связь с родом, родительским очагом, на что указывают и его поэтические синонимы: *отчизна, отечество, отчий край*.

И за каждым из названных выше концептов стоит то, что объединяет всех нас в Отечество – родная культура и родной язык.

Насколько справедливо такое утверждение?

Стоит ли кого-либо убеждать в очевидном: когда пытаются что-либо узнать про ту или иную страну, интересуются народом, её населяющим, его культурой и языком. Не случайно именно эти сведения предлагают потенциальным туристам все туроператоры мира. Затем информируют о религии, валюте и экономике, увязывая и эти сферы жизни народа с его культурой. Говорят о религиозной культуре, иногда дают историко-культурный экскурс о хождении денег, о культуре экономической жизни. И всё же на первом месте – культура и язык.

Действительно, страна, та или иная земля вне её культуры как ценностно-смыслового пространства – это всего лишь земля. Вода и камень, трава и ветер. Страна же – нечто большее, что обеспечивается единством земли и людей, на ней живущих. И единство это создаётся, прежде всего, «оязыковлением» их ценностно-смыслового пространства, так, как это делает поэтесса Людмила Белевцева в стихотворении, посвященном Борисовке – одной из милых белгородских провинций:

Моя Борисовка – души столица,
Пусть без курантов, без дворцов и площадей.
Но до заката дней стану гордиться
Зеленоглазой Родиной своей.

Семиотическое понимание органического единства культуры и языка в завершённом виде пришло уже к русским мыслителям конца XIX – начала XX в. В результате этого понимания возникла ёмкая и многозначимая формула – «культура как текст». И это не сиюминутный риторический всплеск, а интеллектуальное озарение, давшее жизнь глубоко содержательному постулату влиятельного научного течения XX в. В его основании лежат идеи выдающегося русского мыслителя Михаила Бахтина. Оригинальные идеи учёного затем получили своё развитие в учении Ю. М. Лотмана, согласно которому культура в целом может рассматриваться как текст, понимаемый, конечно, не в школьной его интерпретации, то есть не только и не столько как единство линейно сочетающихся речевых знаков, сколько как особый феномен сложно устроенного семиотического (знакового) континуума. Его специфика обуславливается самобытностью того ценностно-смыслового пространства, в котором этнос формируется, развивается и которое обеспечивает его будущее. Причём такое пространство «культуры как текста», в отличие от обычного текста, имеет принципиально иную организацию. Её специфика обуславливается не линейной последовательностью знаков культуры, а их вертикальным контекстом, образующимся сложным переплетением текстов, точнее, элементов их духовно-нравственной синергетики. Именно многообразии возможных связей между элементами столь сложного смыслового континуума создаёт масштабность того феномена, который мы называем ценностно-смысловым пространством культуры. Его осмысление возможно только путём установления мотивированных отношений между всеми ценностными смыслами и каждого из них к целостному тексту культуры как единой системе. Только в таком системном представлении ценностно-смыслового пространства порождается то уникальное свойство, которое называется «памятью культуры». Причём такого рода память уникальна, так как удерживает в себе не только сведения о предшествующих доминантах ценностно-смыслового пространства, но и проецирует потенциальное «предчувствие» будущего. Не случайно академик Ю. М. Лотман уподобил культуру священной книге, в которой записано, что было, предписано сегодняшнее состояние умов (и, значит, дел) и «предсказано», что будет. Именно в этом, культурологическом, смысле суть часто используемой фразы «Без прошлого нет будущего». Память культуры по сути своей можно в каком-то смысле определить новомодным ныне выражением «воспоминание о будущем». По существу, культура представляет собой живой текст книги, которую нельзя дважды открыть на одной странице, поскольку про-

шлое и будущее в ней переплетены в едином континууме. И в этом смысле ценностно-смысловое пространство культуры можно назвать рабочей моделью времени, её *perpetuum mobile*.

Ценностно-смысловое пространство такого рода модели времени можно представить в виде структуры, состоящей из центра и периферии. Её центр составляют столичные культурные образования, а периферию – провинция. Причём в России, как ни в какой другой стране, остро чувствуется деление государства на центр и провинцию. Это деление происходит не только по географическим, но и по политическим, экономическим, социокультурным параметрам. Российская провинция – особый мир, государство в государстве, общество, живущее по своим законам и нормам поведения, подходящее к текущим событиям с собственной шкалой ценностей. Оторванность российской провинции от центра, её психологическая обособленность, порожденная социально-экономическими реалиями, выработали у её жителей особое мироощущение и миропонимание.

Россия – одно из немногих государств, где сохраняется разделение национальной жизни на «столичную» и «провинциальную» (здесь не учитываются имеющие иную природу противопоставления «город – село», «мегаполисы – малые населенные пункты»). По сути, в России существуют две цивилизации: одна базируется в Москве и Петербурге, другая – во всей остальной (провинциальной) России. Причём одна без другой немислимы.

Вот почему для разработки теоретических основ национально-языковой политики в РФ, как и для жителей самой провинции, важным является постижение жизненных смыслов «провинциальности», особенно в XXI в., когда географический смысл понятия провинции подвергается значительным видоизменениям. Выступая в роли инерционной системы отсчета, провинция позволяет оценить достоинства (художественные, нравственные, социальные) и устоявшихся явлений, и инновационных процессов.

Давно ведутся споры о неоднозначности определения провинции, о соотношении определенных *провинциальный* и *региональный*. Современное неоднозначное отношение к провинциальной культуре сложилось, видимо, под влиянием словесно-культурного контекста, сформировавшегося ещё в XIX веке. В то время провинцию воспринимали как застойную, инертную, враждебную социальному процессу и идейному началу. Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, А. Платонов и Ф. Сологуб изображали её духовно дремлющей, умертвляющей самых достойных людей.

И всё же основу русской провинциальной культуры составляли не только народный быт,

но и сложившиеся веками высокие нравственные и этические нормы, народная художественная культура, фольклор. И это на фоне таких её традиционных признаков, как тишина и покой жизненного уклада; средоточие народного искусства, промыслов, фольклора [2]. Иными словами, её специфика определяется органическим единством (а) высокой провинциальной духовности и повседневности быта; (б) особым влиянием православной культуры и этнокультурной самобытностью. Каждый из названных признаков русской провинциальной культуры в разные времена интерпретировался то как её недостаток, то как достоинство. Особенно полярным было отношение к традиционному укладу жизни и православной культуре.

Однако наиболее пронизательные умы видели в провинциальной культуре источник развития и обогащения общенациональной культуры. В связи с этим полезно вспомнить ставшие сегодня особенно актуальными суждения В. Г. Короленко, воспринимавшего провинцию как основополагающий остов русской культуры. В них раскрывается суть проблемы: диалектическая взаимозависимость в ценностно-смысловом пространстве России центра и периферии. «Идеи, зарождающиеся в столицах, проникают в провинцию, откладываются здесь, накапливаются, растут и часто затем питают самые центры этой живой, сохранившейся силой тогда, когда в столицах источники порой уже иссякли... Жизнь – всюду! Есть жизнь и в столицах – кипучая и интересная! Но тут есть одна черта существенного отличия: то, что в столице является по большей части идеей, формулой, отвлеченностью, – здесь мы видим в лицах, осязаем, чувствуем, воспринимаем на себе. Поэтому поневоле то самое, что в столице является борьбой идей, здесь принимает форму реальной борьбы живых лиц и явлений» [3]. Примечательно здесь то, что писатель, конечно же, чувствовал ледяную инертность русской провинциальной культуры, но объяснял её не природой провинции, а социальным устройством общества. Поэтому писатель оптимистично сравнивает русскую провинцию с множеством весенних ручейков, которые, сливаясь, превращаются в потоки, взламывающие лед.

Понятия «провинция» и «центр» в современной русской культуре характеризуются, скорее, не столько географической противопоставленностью, сколько лингвокреативной оппозицией.

Культура русской провинции является, пожалуй, самой сложной и всеобъемлющей категорией, с которой сопоставим разве что феномен быденной (не элитной) жизни вообще. Провинциальная культура внутренне противоречива, поскольку несет в себе два начала: (а) «консервативное» («сохраняющее») и (б) «прогрессивное»

(«развивающее»), что предполагает пересмотр, переоценку, а нередко и отказ от того, что было вполне приемлемым на предыдущих этапах социокультурного развития региона. Но тем и сильна, тем и жизнеспособна провинциальная культура, что обладает способностью отбирать, возвращаться к прежнему опыту или отказываться от него.

Провинциальная культура характеризуется рядом важнейших признаков, которые необходимо учитывать при разработке концепции культурной и языковой политики и в регионах, и в РФ в целом. Провинциальная культура выполняет следующие функции:

- характеризует жизнедеятельность личности, группы общества и региона в целом;
- является специфическим способом бытия человека;
- имеет свои пространственно-временные границы;
- раскрывается через особенности поведения, сознание и деятельность человека, репрезентируемых прежде всего в языковых формах, символах и знаках, равно как и через вещи, предметы, произведения искусства, орудия труда.

Поскольку провинциальная культура – часть культуры всего народа, для её определения следует учитывать все признаки культуры вообще. Не нужно быть специалистом-культурологом, чтобы убедиться в широкозначности и многозначности того феномена, который именуется культурой. Каждый, кто попытается определить культуру несколькими фразами, непременно почувствует ущербность таких дефиниций. Всегда останется ощущение, что в найденном определении что-то упущено, не все существенные признаки названы. Кроме того, весьма затруднительно подобрать другое подобное слово, которое имело бы такое множество терминологических смыслов. Ситуация, прямо скажем, непростая: обычно любой термин по природе своей стремится к понятию, а этот настолько амбивалентен (двойствен, противоречив), что никак не укладывается в строгие понятийные рамки. И всё же наша задача – поймать суть данного феномена, попытаться очертить его важнейшие категориальные свойства.

Прежде всего, при всей широкозначности понятия культуры (особенно провинциальной) его целесообразно отграничивать от понятия «цивилизация». С этой целью был введен аксиологический (ценностно-оценочный) критерий. Данный критерий используется не только для разграничения культуры и цивилизации. Он нередко служит «водоразделом» между представленной в языке примитивной и высокой культурой. Хотя такое деление и не ново, оно требует дополнительных размышлений. Прежде всего, оно содер-

жит несколько поверхностных и поэтому опасных последствий, напрямую касающихся взаимодействия языка и культуры. Во-первых, приходится встречаться с утверждениями о том, что примитивная культура объективируется примитивными языками. Существует и зеркально отраженное суждение: примитивным языкам соответствует карнавальная культура.

Утверждают, что вырождение культуры создает отраженное в языке бескультурье или, наоборот, «рафинированную культуру». Вслед за Н. Я. Данилевским [4] – предшественником Шпенглера и Тойнби, отвергшим европоцентристскую, однолинейную схему развития мировой истории и обосновавшим идею множественности и качественной многоликости человеческих культур, под цивилизацией будем понимать высший этап развития культуры. Особенно многолика и провинциальная культура. Попытка в советское время подвести её под одну гребёнку, лишить её этнической ценностно-смысловой уникальности имела, как известно, печальные последствия. Национально-культурное возрождение началось с требований создать благоприятные условия для развития и продуктивного функционирования всех форм этнической жизни, а первыми декретами СНГ стали законы о государственных языках. По сути, те же проблемы, хотя и в иной плоскости, решались и субъектами РФ (Татарстан, Калмыкия, Башкортостан, Тува и др.).

Почему так важно ощущение духовной свободы, ведь экономические требования выдвигались только вслед за духовно-нравственной многоликостью провинциальной культуры? Ответ – в причинах самой многоликости культуры.

Причину многоликости понятия «культура», по мнению П. С. Гуревича, следует усматривать, прежде всего, в том, что родной язык и культура выражают всю глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. Поэтому важно всем, кто занимается проблемами культурно-языковой политики, удерживать в поле зрения каждую её грань. Оказаться апологетом одного из подходов к пониманию провинциальной культуры несложно, поскольку каждый исследователь культуры обращает внимание на одну из её сторон. Кроме того, «культуру изучают не только культурологи, но и философы, социологи, историки, антропологи... Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами» [5].

Действительно, проблематика культуры охватывает трудно обозримое пространство: от философии истории – до освещения частных вопросов материальной и духовной культуры различных эпох, народов, цивилизаций. Неудивительно, что понятие «культура» существует практи-

чески во всех языках и употребляется в самых разных ситуациях, часто в различных контекстах. Однако в самом обобщенном виде культура – это способ существования человека. Человек как вид есть культура. Итак, он не потому культурен, что является человеком, а потому он и человек, что является культурным. Это значит, что содержанием культуры становится все содержание человеческой деятельности. О том, что находится вне сферы деятельности, практической или теоретической, ничего определенного мы не можем сказать.

Включать в содержание культуры то, что не охвачено деятельностью, нет никаких оснований. Границы деятельности – это и есть то, что можно назвать и миром, и культурой. В. М. Межуев, один из теоретиков культуры в нашей стране, так и считает: «Весь мир в целом есть для философии мир культуры, существующий в непосредственном единстве с человеком. Но культура – все же способ организации деятельности, а не только сама деятельность. Это значит, что она представляет собой и способ выражения человека, или, как мы говорили выше, культура – явление человека. Это значит, что человек хоть и находится в единстве с нею, но все же не растворен в ней среди массы предметов. <...> Действительным содержанием культуры оказывается развитие самого человека как общественного человека, развитие его творческих сил, отношений, потребностей, способностей, форм общения и т. д.» [6]. Примем данный взгляд на содержание культуры за основу. Но при этом добавим, что действительным содержанием культуры является не сам человек, а его представление о самом себе.

С тех пор как в XIX в. термин «культура» был введен в научный оборот, появилось множество его определений. Альфред Кребер и Клайд Клакхон в 1952 г. насчитали их 164, и еще большее количество родилось после этой публикации. По последним исследованиям, определений уже больше 500. И все же у всех существующих дефиниций культуры необходимо выделить нечто объединяющее и на этой основе попытаться вывести самое общее определение, которое бы по сути своей не противоречило всем остальным.

Обратимся к этимологии слова «культура». Оно латинского происхождения. Первоначально словом культура (лат. *cultura*) обозначали возделывание, обработку и уход за землей (лат. *agricultura*), чтобы сделать ее пригодной для удовлетворения человеческих потребностей, чтобы она могла служить человеку (отсюда употребляющееся ныне выражение культура техники земледелия). Затем слово *культура* приобрело переносный смысл – ‘уход, улучшение, облагораживание телесно-душевно-духовных склонно-

стей и способностей человека; соответственно существует культура тела, культура души и духовная культура’. Со временем слово «культура» стало широкозначным, будучи употребляемым в значении ‘возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание’. Видимо, поэтому слово культура стало использоваться по отношению к человеку в качестве синонима к словам *образованность, просвещенность, воспитанность*.

Кстати, рассуждая о *cultura animi*, следует отметить, что в этом смысле уже в 45 г. до н. э. оно употреблялось и римским оратором Цицероном. В его «Тускуланских беседах» встречается выражение: «Культура ума есть философия». Цицерон считал, что ум тоже нужно совершенствовать, «обрабатывать», как и землю. Только обработка земли – удел раба или крестьянина, а обработка ума – удел свободного человека. Таким образом, уже в то время слово культура приобрело значение, близкое к современному.

В Средневековье человека понимали как соединение двух противоположных начал: божественного и природного. Но в Новое время появляется представление о том, что в окружающем мире помимо этих двух миров существует еще один, созданный самим человеком. Именно он и называется «культура». С тех пор мир условно начали делить на две части: природа и культура. Все неприродное стали относить к культуре. Что не вкладывается в такое понимание культуры – то принадлежит природе. Таким образом, появляется самое широкое значение понятия «культура»: это мир человека, созданный им самим.

Иными словами, к объектам культуры, в отличие от природы, относится все созданное, внеприродное. Мир культуры, любой его предмет или явление воспринимаются не как следствие действия природных сил, а как результат усилий самих людей, направленных на совершенствование, обработку, преобразование того, что дано непосредственно природой.

В самом широком смысле культура – это совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа. Столь широкое определение вряд ли удовлетворит потребности лингвокультурологии (науки, изучающей культуру сквозь призму языка), поскольку в нем растворяется сам предмет ее изучения. Ведь язык и есть универсальное средство выражения всей жизни.

Ситуацию не спасает и членение этого понятия на смысловые части, когда с точки зрения содержания культуру пытаются разложить на такие различные сферы, как нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, принципы воспитания, общественно-по-

литическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия. Иными словами, если принять такое понимание культуры, то все формы проявленного в языке объективного духа народа должны были бы стать объектом лингвокультурологии. Некоторые исследователи так и поступают, формулируя так называемый широкий предмет ее изучения.

Итак, поскольку культура охватывает все, что отличает жизнь человеческого общества от жизни природы, все стороны человеческого бытия, некоторые ученые пытаются выделить ту категорию, которая, собственно, и отличает жизнь человеческого общества от жизни природы. Такой категорией, по признанию отечественных культурологов, следует считать деятельность. Если следовать их логике, то понять сущность культуры можно лишь через призму деятельности человека, точнее, народов, населяющих планету. Согласно сторонникам такого подхода, сущность культуры обуславливается «специфическим способом деятельности», или «специфической функцией коллективной жизни людей» [7]. При этом обычно делается акцент на развитии общественного человека. Однако эта проблема заслуживает отдельного обсуждения. Пока уясним главное: культура не существует вне человека и человечества. Она изначально связана с человеком и порождена тем, что он постоянно стремится искать смысл своей жизни и деятельности. И наоборот, нет ни общества, ни социальной группы, ни человека без культуры и вне культуры.

Согласно одному из основоположников русской и американской социологических школ П. С. Сорокину [8], любая организованная группа неизбежно обладает культурой. Более того, ни социальная группа, ни индивид (за исключением просто биологического организма) не могут существовать... без культуры. Отсюда вытекает методологически важное положение: все народы имеют культуру, нет и не может быть «некультурных» народов. Есть русская культура, европейская, восточная, африканская, цыганская. Разумеется, каждому народу присуща своя, уникальная и неповторимая культура, нетождественная культурам других народов, но совпадающая с ними по многим когнитивным и ценностно-смысловым параметрам и требующая к себе уважительного отношения.

Поскольку явления культуры представляют собой сложные и многоплановые явления, они изучаются различными методами. А значит, что они могут быть истолкованы и поняты по-разному. Стоит ли удивляться, что существует не одна, а множество концепций культуры, каждая из которых по-своему объясняет и систематизирует элементы культурного пространства того или иного народа.

По А. И. Кравченко, в обыденной жизни понятие «культура» употребляется, как минимум, в трех значениях.

Во-первых, под культурой подразумевают определенную сферу жизни общества, получившую институциональное закрепление (министерства культуры с разветвленным аппаратом чиновников; средние специальные и высшие учебные заведения, готовящие специалистов по культуре; журналы, общества, клубы, театры, музеи и т. д., занимающиеся производством и распространением духовных ценностей).

Во-вторых, под культурой понимается совокупность духовных ценностей и норм, присущих большой социальной группе, общности, народу или нации (элитарная культура, русская культура, русская зарубежная культура, культура молодежи и др.).

В-третьих, культура выражает высокий уровень качественного развития духовных достижений («культурный» человек в значении «воспитанный», «культура рабочего места» в значении «опрятно прибранное, чистое функциональное пространство») [9].

Для понимания провинциальной культуры особое значение приобретает первое определение культуры. Это то, что объединяет человеческую культуру в целом и провинциальную культуру, в частности словесную, которая имеет свои пространственные и временные координаты, свои нравы, культурные традиции, нормы, привычки, представление о красоте, идеале, духовности. Одной из функций, определяющей место регионального словотворчества в русской лингвокультуре, является функция оппозиции, обусловленная тем, что провинция обладает другой мерой внутренней свободы, компетентности. Это открывает возможности для развития тех областей лингвокультуры, которые выходят за пределы столичных стандартов и норм. Среди отличительных черт провинциальной лингвокультуры, определяющих содержание ее духовной жизни, современные исследователи выделяют следующие:

- обозримость и ограниченность лингвокультурного пространства и происходящих в нем процессов,
- приближенность лингвокультурных процессов к человеку,
- включенность явлений лингвокультуры в повседневное бытие провинциального общества,
- ограниченность контактов со столичной лингвокультурой,
- консерватизм вкусов,
- неадекватность оценок,
- большая эмоциональность,
- яркость впечатлений.

Региональная словесная культура в России всегда воспринималась в двух взаимосвязанных ракурсах:

а) как особое пространство духовной жизни, связанное с традициями фольклорной лингвокультуры; пространство, открытое для свободной творческой самореализации и максимально приближенное к человеку так называемой малой родины;

б) пространство, воспринимающее художественно-эстетические идеалы общерусской (национальной) лингвокультуры.

Особое место в этой оппозиции занимает белгородская лингвокультура, которая, на первый взгляд, носит исключительно общерусский характер. И всё же, как показывают наши предварительные изыскания, белгородское словотворчество представляет собой русскую провинциальную лингвокультуру, в которой имплицитно локализуются общие лингвокультурные принципы развития и функционирования русского языка. Последние обусловлены региональными условиями творческой репрезентации концептосферы современного русского языка, главными среди которых выступают русско-украинское пограничье и исторически сложившийся слобожанский менталитет.

Завершая размышления о жизненном смысле провинции в зеркале языка, правомерно поставить всё тот же сакральный вопрос: в чём же состоит истинная взаимосвязь провинциальной лингвокультуры и языка? Наиболее простым и верным будет суждение: словесная культура провинции – в каких бы территориальных пределах ее ни выделять и какой бы высокой или, наоборот, примитивной она ни казалась – есть творческое выражение в языке и текстах исторически сложившихся духовных, материальных и общественных потребностей народа. Именно эти потребности придают провинциальной культуре тот оригинальный облик, который отличает ее от культуры столичной, находящейся под постоянным инновационным воздействием Запада. Многообразие России позволяет любой провинции иметь собственную значимость. С другой стороны, культура местная есть часть культуры общероссийской. С таким утверждением, кажется, никто и не спорит, но и не относится к провинциальной культуре так, как того требует данный постулат.

Прежде всего, следует помнить, что именно в контексте провинциальной культуры складывалось особое отношение к культурной среде, воспринятой и переживаемой как ценность. Именно в таком контексте провинциальная культура воспринимается как альтернатива официальности, отчужденности мира стандартных урбанистических

центров. Среди главных ценностей – ощущение значимости тепла и уюта общего «дома», неотчужденной духовности. Вместе с тем нельзя даже представить себе существование современного русского человека в замкнутом мире провинциальной культуры. Это таит в себе опасность абсолютизации ценностей повседневности, измерения всех явлений духовной жизни только критериями быта.

Словесная культура русской провинции как историко-культурный феномен – важный фактор, (а) оказывающий влияние на процесс смены мировоззренческих парадигм; (б) инициирующий обращенность общественного сознания к поиску общих корней развития этноса, его культуры и языка при непереносимом сохранении эмпирической отдельности и творческого своеобразия каждого индивидуального бытия. Возрождение провинции, несомненно, будет способствовать преодолению кризиса, вызванного прерываниями этнокультурных традиций, изменениями в духовной жизни и спровоцированным ими разрывом между культурными архетипами прошлого и устремлениями в будущее.

Актуальным остается гармоничное соотношение в ценностно-смысловом пространстве провинциальной культуры (а) традиционной высокой культуры, ориентированной на духовные ценности бытия, и (б) особого культурного смысла, которым пронизана повседневная жизнь каждого носителя истинно русской культуры.

Примечания

1. *Алефифренко Н. Ф.* Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. *Инюшкин Н. М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 23.
3. *Короленко В. Г.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: Десять лет в провинции. М.: Худож. лит., 1955. С. 17.
4. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. 374 с.
5. *Гуревич П. С.* Культурология: учеб. для студентов вузов. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2010. 427 с.
6. *Межуев В. М.* Культурология и философия культуры // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 32.
7. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969. 326 с.
8. *Софокли П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 315 с.
9. *Кравченко А. И.* Культурология: учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 496 с.